

ГЛАГОЛИЦА СВ. КИРИЛЛА: К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Л.Б. КАРПЕНКО

*Самарский государственный университет,
г. Самара, Российская Федерация*

Введение. Славянская палеография, в прошлом частная наука об истории письма, обогащаясь положениями семиотики, симвонологии, герменевтики, религиоведения, сегодня преодолевает формальный подход и становится дисциплиной культуроцентричной, общезначимой. Она выявляет не только эволюцию форм письма, но и ценностные основания славянской книжной традиции. Предметная область данной науки такова, что она не может интересовать только специалистов, ибо сердцевину ее составляет вопрос о кирилло-мефодиевском наследии. Историк Ф.И. Успенский справедливо назвал проблему происхождения славянской письменности «никогда не стареющей и постоянно обладающей интересом современности». Он убежден, что «отношение образованного общества к вопросам, связанным с деятельностью Константина-Кирилла, должно служить показателем нашей научной и политической зрелости» [1, с. 49]. Нынешнее переломное время, в котором соединились глобализация и мировой кризис и которое становится началом поиска нравственных оснований мироустройства, заостряет этот императив. Обращение к истокам славянской духовности, осмысление ценностной системы, запечатленной в первой славянской азбуке, сегодня значимо и для славянского мира (*Pax Slavia*). Таково основание самоидентификации, консолидации славянства и восприятия славянской культуры другими народами.

Цель данной статьи в том, чтобы, опираясь на известные науке факты о начальном этапе славянской книжной традиции, представить осуществленную автором реконструкцию христианского символизма глаголицы. Этот вопрос является предметом обсуждения в течение двух последних десятилетий, поскольку сложившиеся традиционные подходы не способствуют видению и пониманию этой азбуки как сакрально-символической системы христианства. Однако христианский символизм, онтологичность и эстетическое совершенство глаголицы, выявленные на основе установленных структурных особенностей объекта, являются новыми аргументами, обоснованиями содержательного порядка, которые свидетельствуют о рациональном характере этой азбуки и подтверждают ее атрибуцию св. Кириллу.

К проблеме рецепции кирилло-мефодиевского наследия

Текст культуры каждым новым поколением воспринимается сквозь призму своего времени и прочитывается заново. Каково отношение нашего общественного сознания к кирилло-мефодиевскому наследию сегодня? Восстановлена ли связь с благодатным источником апостольского слова св. Кирилла, стала ли она путеводным ориентиром? В смысле создаваемой традиции чествования святых – несомненно. Мы стали свидетелями учреждения и утверждения государственного праздника Дня славянской письменности, с 1986 г. торжественно отмечаемого в России. За два десятилетия были возведены храмы и памятники в честь свв. Кирилла и Мефодия. Значительных успехов достигла академическая палеославистика в изучении кирилло-мефодиевского наследия. В научных и учебных центрах проводятся Кирилло-Мефодиевские чтения, свидетельствующие о развернутых исследованиях в области письменной культуры славянских народов¹.

На фоне очевидных достижений отношение «образованного общества» к вопросу о первоначальной славянской азбуке является показателем все еще недостаточной, по выражению Ф.И. Успенского, «зрелости» нашего общества. В мировой палеославистике в результате длительных изысканий на протяжении более двух столетий (в значительной мере благодаря трудам российских ученых) обосновано положение, что первой славянской азбукой, созданной св. Кириллом, является

¹ Показательны следующие данные, почерпнутые в сети Интернет: в мае 2008 г. в Элисте состоялись VI чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия, во Владивостоке и Ханты-Мансийске – VIII чтения, в Краснодаре – XIV; в Москве, в Институте русского языка им. А.С. Пушкина и в МГПУ прошли IX, на философском ф-те МГУ – XIX, а в Самаре – XXX Кирилло-Мефодиевские чтения.

ся глаголица [2,3,4,5]. Тем не менее, сегодня по этому вопросу вновь возобновляются дискуссии, а некоторые «авторитетные» сайты, ориентированные на широкую аудиторию, пестрят мнениями о нерешенности проблемы. Невольно приходят на память гоголевские строки: «И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону... Не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква..., но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений...» [6, с. 208].

Не по причине ли затянувшейся «нерешенности проблемы» стали тиражироваться у нас мифы вроде того, что Кирилл и Мефодий не были просветителями славян, что русское письмо якобы возникло до них. Иные относят глаголицу к готским рунам, а то и объявляют ее древнейшим письмом в мире. Тем временем мы продолжаем 24 мая в ходе государственного праздника чествовать славянского Первоучителя как составителя кириллицы, доходя подчас до казусов. Так, увековеченный в бронзе святой послушно держит свитки с современной русской азбукой в составе 33 букв (включая букву Ё, предложенную в 1796 г. Н.М. Карамзиным).

Современная кириллица, безусловно, достойна почестей. Но это не может быть основанием для забвения другой азбуки – глаголицы, на которой записаны самые древние из памятников славянской книжности. Прибегая к метафорическим образам, можно сказать, что кириллицу, составленную учениками св. Кирилла и получившую распространение у православных южных и восточных славян, мы чествуем как *историческое лоно* нашей культуры. Глаголица же, созданная св. Кириллом, есть *общий исток* славянской книжной традиции, ее символическая матрица. Более удобная для удовлетворения государственных нужд деловой и светской переписки, кириллица, некоторое время сосуществовавшая с глаголицей, со временем вытеснила первую славянскую азбуку. Так, несмотря на сохраненную память о создателе письма, постепенно были забыты начертания глаголических букв, о которых современник Кирилла Черноризец Храбр писал, что это святые письмена, более святые, чем греческие буквы. Воспроизведем их здесь вместе с именами, которые относились к начертаниям этой азбуки²:

Азъ Т, Боуки Ш, Вѣдѣ У, Глаголи Ѱ, Добро Љ, Ієстѣ Э, Живѣте Ъ, Сѣло Ф, Земля О, Ижен Ъ, И Х, Летитѣ (Гѣрвь) Ѡ, Како Ѓ, Люднє А, Мыслитѣ Ъ, Нашь Р, Онѣ Д, Покои Р, Рьци Ь, Слово Q, Тврѣдо Ш, Оукъ Д, Фрѣтъ Ѡ, Хѣръ Љ, Втѣ Q, Пѣ Р, Цы Ѡ, Чрѣвь Ф, Ша Ш, Ієръ Э, Ієры ЭУ, ІАтъ А, Хлъ Q, Тѣ Q, АЄ, Р°, Ж, Ж.

Возникает вопрос: основаны ли на чем-нибудь очередные заблуждения по поводу начальной истории славянской письменности? Ведь для любой версии нужны свои аргументы. Авторы мифосюжетов о докирилловском письме славян ссылаются на якобы обнаруженную «протоглаголицу» на артефактах IV–V вв. в районе Причерноморья, на строчку о «русских письменах» в Пространном житии Константина-Кирилла Философа, на упоминания о «чертах и резах» в Сказании Черноризца Храбра «О письменах» и пр. Приведенные вне исторического и научного контекста, эти ссылки могут кем-то восприниматься всерьез, но на самом деле это ошибочное понимание исторического текста. Так называемые «причерноморские знаки», выдаваемые за «протоглаголицу», и докирилловская письменность у славян к глаголице не имеют отношения и *не идентичны ее начертаниям*, в чем нетрудно убедиться на конкретном материале [7, 8]. Они представляют собой разнообразные метки (тамбовые, ритуальные знаки) на артефактах разных культур и разных эпох (на амфорах, кровельной черепице, Фанагорийском надгробье, на скале, на Ольвийских львах и пр.). Они *не отражены в каких-либо текстах, не являются знаками письма* и, как это показала еще полвека назад Е.Э. Гранстрем, были собраны в один ряд *искусственно* [9,10].

Утверждения о дохристианской, докирилловской истории глаголицы на самом деле не имеют никаких оснований. Они противоречат всем источникам, которыми располагает палеославистика. Несмотря на то что рукописи, относящиеся непосредственно к деятельности славянских первоучителей, утрачены, сохранившиеся памятники *в совокупности* служат достаточным основанием для восстановления исторических обстоятельств возникновения письма у славян.

Самые ранние кирилло-мефодиевские источники написаны на старославянском и латинском языках. Наиболее значимыми по информативности славянскими источниками являются агиографические произведения – Пространное житие Константина-Кирилла Философа и Пространное житие Мефодия (далее: ЖК и ЖМ), созданные современниками (ЖК написано в Великой Моравии

² В статье используется шрифт, разработанный автором на основе круглого почерка глаголицы. Порядок букв определен с учетом Азбучной молитвы, древнейшего акростиха, который связан с деятельностью св. Кирилла.

между 869 и 882 гг. при участии Мефодия, а ЖМ – предположительно Климентом Охридским в Болгарии в конце IX в.). К таким источникам относятся также Краткое житие Кирилла (так называемое Успение Кириллово), служебные Похвальные слова Кириллу и Мефодию, Сказание Черноризца Храбра «О письменах», списки древнерусского летописного свода «Повести временных лет», в которой содержится запись о переложении книг, и др.

Латинские источники представлены посланиями римских пап, письмами Анастасия Библиотекаря, Итальянской легендой. Они написаны высшими лицами римской церкви, современниками солунских братьев, и являются точно документированными свидетельствами. Византийские источники о просветительской миссии Кирилла и Мефодия не сообщают, однако имеются свидетельства о деятельности учеников. Из них наиболее значимыми являются Пространное житие св. Климента, созданное охридским архиепископом Теофилактом в конце XI в., и Краткое житие св. Климента, написанное архиепископом Дмитрием Хоматианом в начале XIII в. Последнее содержит важное для понимания истории появления кириллицы упоминание о том, что Климент нашел буквы более ясные, чем св. Кирилл. Эта запись в соотнесении с другими данными служит основанием для предположения о том, что кириллица появилась в эпоху правления царя Симеона в Болгарии и была составлена св. Климентом на основании глаголицы.

В связи с источниками возникает необходимость коснуться вопроса о достоверности их истолкований. Интерпретация древнего текста всегда представляет асиологическую задачу воссоздания ценностного смысла источника во всей его полноте. Текст есть структурно организованное целое, характеризующееся признаками единства (содержательного, логического и др.), целостности, связности, завершенности. Он адресован конкретному читателю, строится на основе определенной идеи, представляющей собой ядро авторского замысла наделен отчетливо выраженной целеустановкой. Все эти особенности присущи и древнеславянским памятникам, какими являются Пространное житие Константина-Кирилла Философа и Сказания Черноризца Храбра «О письменах», созданные специально с целью прославления св. Кирилла как создателя первых славянских письмен. Содержательно они представляют собой цельные по замыслу тексты. Из этого следует, что, во-первых, *интерпретация фрагмента должна осуществляться в широком контексте целого*, во-вторых, *если понимание фрагмента противоречит общей идее текста, оно некорректно*.

Изолированное прочтение отдельных выражений в отрыве от общего контекста нередко создает искаженное их понимание и порождает поводы для дискуссий. Так, с ошибкой прочтения *по чину греческих* в тексте Сказания Черноризца Храбра «О письменах» связана изжившая себя идея старшинства кириллицы. В тексте Храбра о Кирилле Философе сказано: **«и сътвори имъ л. и. и. письменъ, ова убо по чину греческих писменъ, ова же по словенъстей речи»**. Это место нередко привлекается в подтверждение идеи, что Храбр говорит о кириллице, а не о глаголице. Однако при этом не учитывается весь контекст, из которого с очевидностью следует обратное. Путаница вызвана неправильным переводом *по чину* в значении «по образу». Однако слово *чин* в древнеславянских источниках используется в значении «порядок следования». Таково, например, его значение в Шестодневе Иоанна Экзарха: **«часы дрѣгъ дрѣга по чинѣ преминѣютъ. по семоу закону и дни и ноци хранятъ чинъ тои [11]**. Корректный перевод фрагмента следующий: «И создал для них тридцать восемь букв – одни по ряду греческих букв, другие по славянской речи». При переводе «по образу греческих письмен» искажается весь смысл фрагмента, возникает ошибочное представление о том, что Кирилл создал кириллицу, буквы которой «по образу» соответствуют греческим.

Уникальность и ценность текста Сказания «О письменах» как раз и состоит в том, что он (в совокупной целостности своего содержания) дает ряд аргументов, бесспорно свидетельствующих, что Храбр пишет не о кириллице, а о глаголице, и подтверждающих старшинство именно глаголицы и ее атрибуцию Кириллу. На глаголицу указывает названный Храбром состав букв: многократно в тексте Храбр утверждает, что Кирилл создал тридцать восемь букв – именно столько их было в глаголице. На глаголицу указывают отдельные имена букв, которые присутствуют в составе только глаголицы, но их нет в кириллице (в частности, буква **Жль**, упоминаемая в Московском списке). И вся полемика, обращенная против эллинов (против «других», «окаянных», «безумцев», «не знающих точно, что говорят»), в которой отстаиваются преимущества славянской азбуки, ее творческая природа, свидетельствует также о глаголице. К кириллице это не может относиться, поскольку она основана на греческом алфавите.[12, с. 172 – 183]

Ошибочно видеть и в первой фразе Черноризца Храбра (**прѣжде оубо словѣне не имѣху писменъ, нъ чъртами и рѣзми чьтѣху и гатааху погани съце**) указание на наличие письма у славян в докирилловскую эпоху. Смысл этой фразы прямо противоположный, утверждающий от-

сутствие букв у славян в эпоху язычества. Ведь славяне, когда были язычниками, не имели букв, но с помощью черт и рез считали и гадали. Дальнейшее развертывание текста как раз и объясняет, как и когда св. Кирилл создал первые славянские письмены.

В литературе отражены сведения о том, что в VIII главе ЖК в сюжете о знакомстве Кирилла в Херсонесе с восточными языками (**Обрѣтъ же тоу египце и ѷалтирь рѷскыи писмены писано и чка обрѣтъ глагоца тою бесѣдою**) имеется дефект текста. Наиболее правдоподобно высказанное Р.О. Якобсоном и поддержанное А. Вайаном предположение, что искажению подверглось слово *сурьскы*, поскольку в ближайшем контексте речь идет о двух других восточных языках – древнееврейском и самаритянском. Ошибка заключается в перестановке букв и написании *русьскы* вместо *сурьскы*. Отсюда и произошел миф о якобы найденных Кириллом в Херсонесе «русских письменах» [13, с.115–117]. Эта очевидная ошибка, какие не редкость в древних памятниках, совершенно не согласуется с общим содержанием текста. В нем не только нигде не сказано об использовании Кириллом в качестве образца для своей азбуки русских букв, но, напротив, подчеркнута его заслуга как первоизобретателя славянской азбуки. Весь отрывок построен на основе приема градации, характерного для текста ЖК, и сирийский язык здесь упоминается после древнееврейского и самаритянского как освоенный Кириллом самый древний в понимании средневекового книжника и наиболее трудный для изучения язык (вспомним упоминание сирийского языка у Черноризца Храбра как языка, который был «в начале» и на котором говорил Адам).

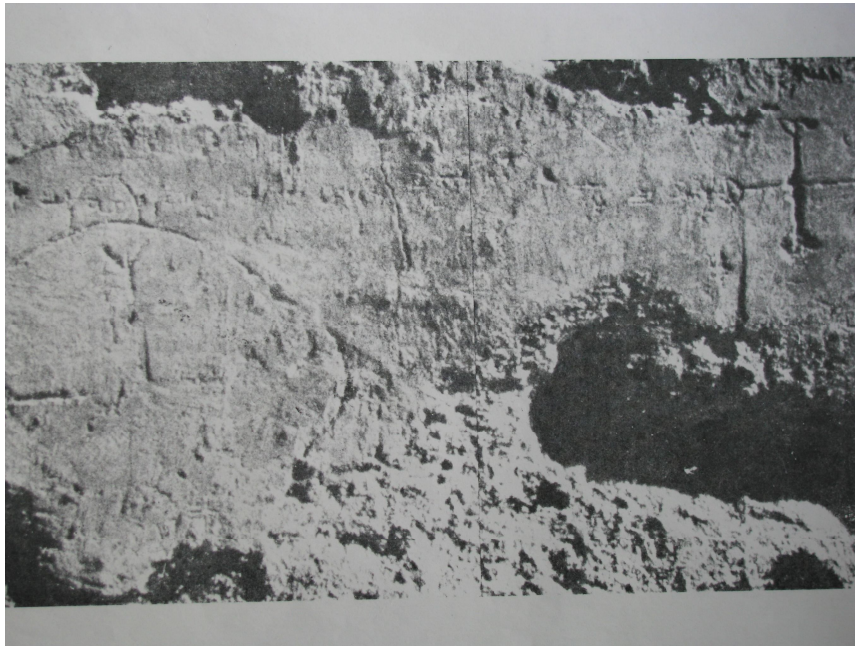
И источники, и опыт двух с половиной столетий их изучения свидетельствуют о том, что до миссионерской деятельности равноапостольных святых братьев у славян *развитой* письменности не было. Развитой, то есть приспособленной для фиксации текстов, соответствующих понятию *книжности*. Исторической реальностью является именно то, что древнейшие славянские рукописи, дошедшие до нас (они условно датируются X в.), написаны глаголическим письмом на старославянском языке, иначе называемом древнецерковнославянским, древнеболгарским, общеславянским литературным языком. Сами названия говорят о функциональном назначении этого богослужебного по происхождению языка, его народно-разговорной основе и наднациональном, общеславянском характере.

Объективно существует двусторонняя связь между понятиями «древнецерковнославянский язык» и «глаголица». Эта связь обнаруживает себя прежде всего в том, что на глаголице написаны самые древние церковнославянские тексты. Кроме того, древнеславянская глаголица периода старославянской книжности X–XI вв. (и позднее – древнерусской) имеет характер исключительно *сакрального христианского письма*. Это подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синае вплоть до XIX–XX вв.

Древнейшими старославянскими глаголическими памятниками (они преобладают над кириллическими – как рукописные, так и эпиграфические – и по языку старше кириллических) являются памятники церковнославянской книжности, своим происхождением связанные с кирилло-мефодиевской традицией. Это известные эпиграфические памятники конца IX в. – начала X в., обнаруженные на территории Болгарии: христианская молитвенная формула и глаголический алфавит на стене Круглой церкви Преслава, надписи в церкви с. Мурфатлар, отдельные буквы в надписях из с. Цар Асен, с. Крепча и др.

Самые ранние древнерусские глаголические эпиграфические памятники (молитвенные формулы в Новгородском Софийском соборе и Киевском Софийском соборе), а также древнехорватская эпиграфика относятся ко второй половине XI в. Древнейшие рукописные памятники глаголического письма – тексты богослужебного содержания (Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Синайская псалтырь, Сборник Клоца и др.) предположительно датируются X–XI вв.

Языковые особенности последовательно отражены в древнейших памятниках глаголического письма (южнославянские рефлексy [шт] и [жд] на месте *tj, *dj; сохранение носовых; отражение широкого произношения звука [ѣ] и др.; лексические и синтаксические болгаризмы). Они ясно обозначают южнославянскую, болгаро-македонскую, народно-разговорную основу старославянского языка и исключают восточнославянское (древнерусское) происхождение глаголицы.

**Рисунок 1 – Преславский алфавит.
Снимок глаголического ряда на стене Круглой церкви в Преславе (из работы И. Гошева)**

Не только до Кирилла и Мефодия славяне не имели своей книжности, они не располагали и собственным литературным языком, на котором могла бы быть создана книжность. Это важнейшее с филологической точки зрения обстоятельство не учитывается теми, кто продолжает эксплуатировать тему «русских письмен», рассуждая в таком ключе, будто Кирилл в Херсонесе позаимствовал буквы для славян у некоего человека, упоминаемого в ЖК. Славянской исторической филологии неизвестны памятники книжности (тем более христианские богослужебные) на древнерусском языке, которые не являлись бы продолжением кирилло-мефодиевской традиции и не были бы вторичны по отношению к ней. Древнейшие датированные рукописи, написанные на Руси, – Остромирово евангелие (1056–1057), Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г. и др. – представляют собой списки со старославянских (древнеболгарских) оригиналов. Найденная на новгородских раскопках В.Л. Яниным Псалтырь на воске условно датируется началом XI в.

Осознание значения Кирилло-Мефодиевского наследия (азбуки, церковнославянского языка и древнеславянской литературы) для развития русской культуры присутствует уже в оценках древнерусских летописцев. Древнерусский книжный язык воспринимался летописцами как *тот же самый язык, славянский*, что был создан св. Кириллом, язык Священного Писания. Как и в более поздний период русского Предвозрождения, о котором пишет Д.С. Лихачев, «русские читали болгарские и сербские произведения, как и свои». Церковнославянские по своей основе, языки восточных и южных славян «еще не достигли той степени дифференциации, при которой они могли восприниматься как различные языки» [14, с. 730].

Само летописание на Руси возникает с момента осознания вхождения в Священную историю. И среди первых летописных записей содержится сообщение о том, что в 988 г. князь Владимир при крещении «нача научение книжное» («Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377г.). Это свидетельство древнерусского летописца подтверждает прямую зависимость распространения книжной традиции на Руси от официального крещения. Что касается более раннего периода, то нет оснований говорить о развитой письменности у восточных славян до крещения и, тем более, в докирилловскую эпоху. Ничего не меняют в вопросе о формировании *письменной традиции* эпиграфические находки на фрагментах керамики, пряслицах и других предметах материальной культуры, а также надписи с использованием греческих букв. Разрозненность этих находок, характер эпиграфических источников (знаки, метки, монограммы), единичность надписей [15, 16, с.180, с.129] – согласуются с общепринятым в палеославистике положением, что развитая письменность у славян, вылившаяся в книжную традицию, связана была с христианизацией, созданием Церкви и становлением государственности.

В преддверии славянской письменности

Состояние накануне появления *своей письменности* у славян и ее ожидание засвидетельствовано древнеболгарским книжником Черноризцем Храбром в Сказании «О письменах». Значительное количество сохранившихся списков разных редакций – русской, болгарской и сербской – свидетельствует о широком распространении в древности этого памятника во всех уголках Славии. Популярность его в средневековой литературе можно объяснить документальностью, обилием точных сведений, а также патриотическим мотивом прославления создателей письма.

Автор воспринимается как современник славянских первоучителей: **сѣтѣ вѣ еще живи иже сѣть видѣли ихъ**. Эта строчка в Московском списке «Сказания» позволяет определить время его написания как конец IX – начало X в. Храбр с позиции своего времени дает ретроспективу исторического пути славянской письменности. Он говорит о трех его отрезках, которые соответствуют этапам становления религиозной культуры славян: период язычества, время крещения, когда использовали греческое и латинское письмо «без устройства», и время обретения *своих писмен*, впервые созданных Кириллом Философом.

Храбр называет *«прежним»* то прошлое, когда славяне были язычниками. Оно не имеет в повествовании измерения, по отношению к нему Храбр не употребляет слово **врѣмя**. Это «темный» период, когда славяне не имели писмен, а пользовались **чрътами и рѣзани** для счета и гадания.

Вхождение во время Храбр связывает с крещением, но до появления славянского письма длится долгий период *неустроенности*, неудобства, необходимости записывать свою речь латинским и греческим письмом «без устройства» [17]. Применение греческого и латинского письма «без устройства» усложняло восприятие священных текстов и не могло удовлетворять. **«нѣ како можетъ се писати добръ грѣчьскими писмены . въ и(а) живѣть . или сѣлау . или црковь . или чааніе . или широта . или ладь . или оудѣ . Или юность . или еззыкѣ...»**, – пишет Храбр, указывая на отсутствие в греческом алфавите букв для записи слов, наделенных ценным смыслом и значимых для выражения вероучения.

Обретение своего письма приходит как спасение. Славяне, получив письмо, обрели собственное знание, сравнялись с другими народами: с египтянами – открывателями геометрии; с ассирийцами, владеющими астрономией и медициной; с греками – обладателями философии, риторики и грамматики. По словам Храбра, Бог «по порядку», то есть «в свое время», даровал славянам особое знание – письмена для перевода книг Священного Писания. Славянское письмо выделено изначально, поскольку создано не как греческий алфавит – не язычниками, а *святым мужем* Кириллом Философом: **тѣм же словенскаѣ писмена стѣйша сѣ(ть) и ч(с)тнѣйша . стѣ во мѣжѣ сотвориша ѿ естъ . а греческаѣ еллини поганіи**. И момент обретения письма – это момент вхождения в священное время, о котором «все знают», вхождения славян в историю, которая только теперь и получает письменную фиксацию. Храбр с точностью очевидца и с гордостью посвященного свидетельствует: «Если же спросишь славянских букварей (книжников), кто вам создал буквы и перевел Книги, то все знают и в ответ скажут: «Святой Константин Философ, названный Кириллом, он и буквы сотворил, и Книги перевел. И Мефодий, брат его. Ведь еще живы те, кто их видели. И если спросишь, в какое время, то и это знают и скажут, что во времена Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето от сотворения мира 6363».

Появление славянской письменности в связи с христианизацией славян исторически документировано не только сказанием Черноризца Храбра, но и житиями святых Константина-Кирилла и Мефодия, а также Итальянской легендой и буллами римских пап. Булла Иоанна VIII от 880 г. подтверждает факт изобретения славянской азбуки Константином-Кириллом Философом и ставит его в прямую связь с христианизацией славян: *Litteras denique sclavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debita resonant, iure laudamus; et in eadem lingua Christi...* (Письмена славянские, наконец изобретенные покойным Константином Философом, чтобы с их помощью на этом языке возглашалась слава деяний Христа) [18, с. 197]. Подобное сообщение повторяется в Итальянской легенде, а в более позднее время засвидетельствовано в болгарских, русских, сербских чешских и других источниках.

Таким образом, исторические источники, созданные в эпоху, близкую ко времени славянских просветителей, однозначно свидетельствуют, что целью апостольской миссии была организация славянской Церкви и первые славянские книги создавались для нужд организации литургии на славянском языке и изложения христианских догматов. И хотя этот факт не оспаривается, подчеркнем его в связи с обсуждением содержательной основы глаголицы. Обстоятельства, которые

акцентировала наука советского периода (укрепление власти феодального класса, противодействие немецкой экспансии), имели значение исторических предпосылок для появления славянской азбуки, но они не определяли ее символизма, который был обусловлен христианским характером миссии солунских братьев.

Пространное житие Кирилла и Пространное житие Мефодия сообщают, что миссия в славянские земли была связана с событиями в Моравии. Необходимость поездки была вызвана обращением в Византию моравского князя Ростислава. Согласно ЖК, в переданной послами грамоте он просил Михаила III прислать учителей, способных обучить моравян, которые ранее уже были крещены баварским епископом, богослужению на славянском языке: «Людымъ нашимъ ся поганства отвергшимъ и по христианескъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такового, иже бы ны в свой языкъ истую веру христианскую сказаль... посли нам, владыко, епископа и учителя такового. От вас бо на вся страны вьсегда добры законъ исходит». В ЖМ более подробно объясняются причины, побудившие Ростислава обратиться к Михаилу. Дело в том, что Моравия была наводнена проповедниками из разных земель (из влахъ, и из гръкъ, и из немецъ), и те учили христианству каждый на свой лад, а славяне, «проста чадъ», не имели своего учителя, который бы наставил народ в истине. Согласно Итальянской легенде, Ростислав обратился с просьбой в Константинополь именно потому, что знал об успехах Философа в Хазарии. В отличие от предшествующей миссии в Хазарию, где Философ участвовал в религиозных прениях как защитник византийского православия, теперь ему предстояло осуществить задачу исторического значения – заложить основы христианской культурной традиции на славянском языке. Император Византии призвал Константина Философа как богослова с уникальным миссионерским опытом, совершенным знанием Библии и языков. Но едва ли не самым важным обстоятельством было то, что братья были родом из Солуни [«а все солуняне хорошо говорят по-славянски» (ЖМ)].

Согласно ЖК, император Византии Михаил III на соборе лично обратился к Константину Философу с просьбой возглавить миссию к славянам. Памятник воспроизводит напутствие императора, в котором сказано о незаменимости Философа в деле создания славянского богослужения и письма. Если прежде император осознает, что «другой дела не может *достойно* совершить», то на этот раз видит единственную возможность исполнения миссии: «Подобает тебе туда идти, ибо дела этого *никто иной совершитъ не сможетъ*».

Задачи предстоящей миссии требовали серьезной подготовки и большого напряжения – интеллектуального и нравственного. Сама идея ее допускала скрытую опасность быть осужденным в еретичестве. Организация литургии на славянском языке предполагала перевод Евангелия, Псалтыри, других богослужебных книг, для чего был нужен разработанный алфавит. Создаваемая для славян книжная и устная традиция христианского религиозного обряда требовала особого алфавита, который бы учитывал особенности фонетического строя не только славянского языка, но и греческого. Язык славянской Библии должен был точно воспроизвести сотни религиозно-философских терминов, воспринятых из греческого текста Библии. Без их использования невозможным оказалось бы выражение всей полноты содержания библейского текста. Создание славянской христианской письменной традиции предстояло начать «с азов». Оценка сложности задач, связанных с созданием азбуки, с переводом Библии на славянский язык, звучит во фразе Константина Философа: «Кто может записать на воде речь, и кто захочет прослыть еретиком?» (ЖК). Чтобы получить право на жизнь, славянская азбука должна была *явно отвечать* христианскому вероучению. Такой и явилась миру глаголица.

Как алфавит христианского текста азбука предназначалась для воспроизведения «**божественных глаголов**». Это, по моему мнению, и объясняет смысл названия «глаголица», происхождение которого до сих пор не получило объяснения. В связи с этим названием следует обратить внимание на слово «глагольник», употребленное Константином Философом в диспуте с триязычниками. Оно использовано в значении «переводчик», «толкователь» священного текста. В ЖК сказано: «Аще ли кто языком глаголетъ по двема. Или зело по трем. Аще ли не будет глагольника да молчат в церкви». О себе Кирилл говорит именно как о глагольнике: «Хвалю Бога, паче же всех вас глаголю языками». Название «глаголица» соотносится со словом «глагольник» как наименование азбуки священных текстов («божественных глаголов»), глаголица – это азбука глагольника Константина-Кирилла.

Весьма показательно, что создание азбуки передано в тексте ЖК как акт божественного откровения, как божественный дар, явленный Константину. Он единственный из всех, прежде искавших буквы для славян и не обретших их, по словам правителя Византии Михаила III, мог создать письмо, обращаясь к Богу «с правдою, умом и без сомнения». Автор ЖК пишет: **ше(д) же**

философ(ѣ) . по прѣвомѣ обычаю . на матвѣ сѧ наложи . и съ инѣми съпоспѣшники . въскорѣ же всѧ емѣ бгѣ лави . послѣша ѧ и матвы рабѣ свои(х) . И тог(д)а сложи писмена . и нача вѣсѣдѣ писати еѣ(г)льскѣю . искони бѣ слово . и слово бѣ ѣ бга . и бгѣ бѣ слово . и проча . Из приведенного отрывка видно, что первой славянской книгой было Евангелие-апракос, начинающееся стихами Евангелия от Иоанна, которые читаются во время пасхальных служб.

Рисунок 2 – Создание азбуки и перевод Кириллом и Мефодием Апостола и Евангелия на славянский язык
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Л. 13

Запечатленный в первых славянских книгах только что созданный литературный язык обладал всеми достоинствами классического языка: строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм, богатством словаря. Работая над переводами, первоучители формировали лексический фонд первого книжно-письменного языка. Они отбирали наиболее ценное из ресурсов славянской народной речи, создавали новые слова по моделям греческих и включали в словарь необходимые греческие обозначения религиозных понятий. Так в процессе их переводческой деятельности рождался общеславянский литературный язык – древнецерковнославянский. О масштабе осуществленной первоучителями интеллектуальной работы свидетельствует тот факт, что в своем историческом развитии все славянские литературные языки формировались в дальнейшем под влиянием церковнославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Русский литературный язык и сегодня хранит в основах словарного фонда унаследованную от древнецерковнославянского языка ценностную систему. Можно с уверенностью говорить, что церковнославянская лексика имеет определяющее значение для формирования и воспроизведения русской ментальной и языковой картин мира. Славянизмами являются многие слова, выражающие представления о пространстве и времени (*бесконечный, вселенная, пространство, восток, юг, вечный, будущий, время*), о жизненном пути (*жизнь, родители, родство, рождение, рожденный, младенец, юность, юноша, возраст* и др.), о человеке «внутреннем», его духовных, творческих проявлениях (*учение, знание, смысл, разум, призвание, талант, творение, совесть* и др.), о социальной среде, государстве, правовых категориях (*гражданин, единение, общение, человечество, отечество, право, правда*). Эти и тысячи им подобных слов, формирующих сегодня русскую языковую картину мира, были впервые прописаны на глаголице.

Как отмечает В.Н. Топоров, «алфавит был приспособлен для передачи букв именно славянского языка и только для него, и решена эта задача была на высоком лингвистическом уровне – славянская азбука оказалась эффективным инструментом фиксации славянской речи, сводящим к минимуму избыточность и неопределенность письменной передачи ее» [19, с.22]. Фонологические достоинства азбуки Кирилла высоко оценивают и зарубежные филологи.[20, с.410] Бесспорно, что с этой стороны она была тщательно продумана. Ее фонологичность сказалась в последовательно-

сти и в составе знаков. Она очень точно отражает звуковой состав старославянского языка, фиксируя характерные согласные и гласные, включая древнеславянские носовые, «ять», даже фонологически неустойчивые редуцированные звуки, которые в старославянском языке очень рано подверглись процессу «падения». Глаголическое письмо включает в себе и гениально предусмотренный принцип экономии знаков – слоговый принцип графики, в дальнейшем получивший развитие в кириллице болгарского и восточнославянских языков.

(продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский, Ф.И. История Византийской империи: Период македонской династии / Ф.И. Успенский. – М., 1997. – С. 49.
2. Ягич, И.В. Глаголическое письмо / И.В. Ягич. // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. – С. 69.
3. Кипарский, В.О. О происхождении глаголицы / В.О. Кипарский. // Климент Охридски: Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. – София, 1968. – С. 91 – 97.
4. Карпенко, Л.Б. Священная азбука Кирилла / Л.Б. Карпенко. – Самара, 2004.
5. Карпенко, Л.Б. Глаголица как семиотическая система / Л.Б. Карпенко. – СПб.: СПбГУ, 2000.
6. Гоголь, Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1968. – Т. 3 – С. 208.
7. Константинов, Н.А. Черноморские загадочные знаки и глаголица / Н.А. Константинов. // Уч. записки ЛГУ. Сер. филол. Вып. 23. 1957. – № 197. – С. 110–146
8. Илчев, П. Глаголица / П. Илчев // Кирило-Методиевска енциклопедия: в 3 т. – София, 1985. – Т. I – С. 492 – 493.
9. Гранстрем, Е.Э. О происхождении глаголической азбуки / Е.Э. Гранстрем. // ТОДРЛ. Вып. XI. – М.; Л., 1955. – С. 301 – 302.
10. Илчев, П. Азбуки / П. Илчев. // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. – С. 47–48.
11. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского: Ранняя редакция / Изд. Г.С. Баранковой. – М., 1998. – Л. 36, 17.
12. Карпенко, Л.Б. Сказание «О письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы / Л.Б. Карпенко. // Преславска книжовна школа. – Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. – С. 172 – 183.
13. Флоря, Б.Н. Комментарии к Житию Константина / Б.Н. Флоря. // Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. – С. 115 – 117.
14. Лихачев, Д.С. Обращение к «своей античности» / Д.С. Лихачев. // Из истории русской культуры. – М., 2000. – Т. I. – С. 730.
15. Медынцева, А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности / А.А. Медынцева. // Культура славян и Русь. – М., 1998. – С. 180.
16. Толстой, Н.И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян / Н.И. Толстой. // История и структура славянских литературных языков. – М., 1988. – С. 129.
17. Установлены факты, подтверждающие сведения Черноризца Храбра. Греческая азбука была какое-то время в употреблении у южных и восточных славян, латинское письмо имело хождение у западных славян Флоря, Б.А. Указ. соч. С. 176).
18. Из буллы Папы Иоанна VIII от июня 880 г. // Сказание о начале славянской письменности. – С. 197.
19. Топоров, В.Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции / В.Н. Топоров. – М., 1998. – С. 22.
20. Динеков, П. Константин-Кирил Философ / П. Динеков. // Кирило-Методиевска енциклопедия. – София, 1995. – Т. 2 – С. 410.

ST. CYRIL GLAGOLITIC ALPHABET: ABOUT THE ROOTS OF THE SLAVIC SPIRITUALITY

L.B. KARPENKO

Summary

The article dwells on the concept of phenomenon of the first Slavic Glagolitic alphabet as a Christian symbolic system. A universal nature of the Glagolic alphabet is shown as a system of script, combining the features of phonography and ideography, the appropriate principles of the alphabet and character forming are revealed. Christian symbolic structure, ontology of Glagolic alphabet, created by st. Cyril testifies to the valuable basis of Slavic bookish writing tradition. Together with the alphabet the Slaves got the symbolic model of culture, based on the Christian world outlook.

© Карпенко Л.Б.

© Карпенко Л.Б. – разработка шрифта «Глаголица», дизайн гарнитуры

Поступила в редакцию 4 февраля 2010 г.